

Мечты и жизнь.

То было утро жизни, свѣтлое майское утро, съ яркими цвѣтами надеждъ и упованій, съ вѣрой въ побѣду надъ зломъ, съ вѣрой въ святой идеаль и въ возможность грядущаго счастья.... То были юныя, свободныя мечты. Среди простора лѣсовъ и полей, подъ роднымъ напѣвомъ родныхъ деревень, въ самыхъ нѣдрахъ народной нужды эти мечты родились. Тамъ же онѣ и росли, въ школѣ окрѣпли и за порогомъ ея увидѣли жизнь.... И вотъ подъ шумъ жизненной бури, подъ ея то монотонный, то дикій напѣвъ, порой встають, какъ свѣтлые призраки, эти идеальныя чистыя мечты и ихъ умчавшіе юные годы. Помню, какъ мечтали мы жить и трудиться на пользу родного народа, какъ о правдѣ и любви хотѣли ему говорить и отдать ему жизнь и всѣ силы свои... Но среди этихъ свѣтлыхъ порывовъ какой-то голосъ сомнѣнья говорилъ о другомъ: говорилъ о трудности жизненной работы вообще, о ничтожности нашихъ силъ, о непробудной спячкѣ, объ упорной силѣ невѣжества:

Встрѣтишь работу серьезную, трудную,

Хватить-ли силы твоей?

Спячку увидишь кругомъ непробудную,

Будешь-ль бороться ты съ ней?

Сила невѣжества слишкомъ упорная;

Мыслящихъ мало людей;

Слишкомъ дорога заманчива торная,—

Ты не пойдешь-ли по ней?

Но на всѣ эти скептическіе вопросы мы отвѣчали, что готовы на все, что мы пойдёмъ въ самую глубь народныхъ стра-

даній, подойдемъ къ его безпросвѣтной мертвящей нуждѣ, и въ его убогой хижинѣ прозвучитъ наше привѣтливое, утѣшающее слово. Мы будемъ съ нимъ, съ нашимъ бѣднымъ народомъ, среди его радостей и горя, будемъ съ нимъ въ его трудѣ и покоѣ. И въ свѣтлый праздникъ и въ сѣрыя будни, и въ яркій полдень и въ темную полночь мы придемъ принять его послѣдній вздохъ... Пройдутъ года, и отъ упорнаго и долгаго труда въ этомъ родѣ, отъ сѣмени Божьяго слова на нивѣ Христовой выростетъ тучная жатва: люди будутъ какъ братья, вмѣсто злобы—вражды будетъ царствовать въ мірѣ любовь, вмѣсто порока будетъ жить добродѣтель. „Только сѣйте, говорило намъ горячее юное сердце, разумное, доброе, вѣчное“, восплывайте добро и клеймите порокъ, бейте по струнамъ сердца народнаго вдохновеннымъ словомъ своимъ, и плоды будутъ налицо. Народъ пойметъ безкорыстность и правдивость могучаго слова, по достоинству оцѣнитъ приносимыя ему любовь и добро и откликнется на святой призывъ къ свѣту Христовой правды: „въ глубинѣ его души лежитъ неизсякаемый родникъ лучшихъ думъ и чувствъ, и лишь только вдохновенное слово коснется струнъ его сердца, онѣ начинаютъ долго и гармонично звучать, заглушая звуками неба грѣшныя пѣсни земли“ (свящ. Г. П-въ). А тамъ спокойно можно будетъ умереть съ отраднымъ сознаниемъ, что не все бесполезно прожито. И проводятъ съ честью тебя до могилы, какъ провожалъ ты ихъ дѣдовъ и отцовъ, пожалѣютъ тебя всюю силою безмолвной русской печали и „вѣчную память“ со слезами надъ открытой могилой твоей пропоютъ...

То были юныя, свободныя мечты...

Въ такихъ розовыхъ краскахъ рисовали мы жизнь, когда готовились къ ней; такими свѣтлыми мечтами мы жили, когда наша утлая ладья готовилась выйти въ открытое море. Помню, мы отплывали. Послѣдній разъ мы прослушали грустную пѣснь „про жизнь, про людей, про житейское бурное море, про штормъ ксраблей“ и отправились въ открытое плаваніе. Море казалось тихое, спокойное; въ его свѣтлыхъ водахъ отражалось лазурное небо, а съ берега все еще доносились мелодичные звуки той грустной пѣсни о жизни, пока наконецъ въ пространствѣ со-всѣмъ потонули ея послѣдніе отголоски. Но лишь только скрылись за горизонтомъ послѣднія очертанія знакомаго берега, какъ поднялся вѣтеръ, зашумѣли волны, и вся эта веселая, дружная

флотилія была разбросана по волѣ волнъ по разнымъ направле-
ніямъ открытаго моря.

Это мы выступили въ жизнь, на поприще „общественной дѣятельности“. То была смутная пора: надъ родиной надвигалась военная гроза, въ деревнѣ,—куда мы принесли свои свѣжія силы,—былъ наборъ, лились слезы рѣкой, люди нуждались въ утѣшеніи. «Они» ушли, оставивъ за собой слезы, горе и тоску, о нихъ всюду говорили, плакали, молчаливо вздыхали. А ихъ осиротѣлыя семьи къ намъ приходили: однѣ просто за словомъ привѣта, спросить, какія вѣсти «оттуда», а другія прямо сказать, что онѣ голодны, у нихъ хлѣба нѣтъ куска. Сердце сжималось отъ ихъ болѣзненныхъ стоновъ, слеза невольно бѣжала съ рѣсницы при видѣ оборванныхъ дѣтишекъ и ихъ убитыхъ печалью матерей. Какъ быть? Чѣмъ имъ помочь? Въ нашихъ рукахъ не было средствъ, которыми бы можно было распорядиться, а всѣ эти жалкія «воззванія» о помощи или давали жалкіе результаты, или совсѣмъ не приносили никакой пользы. Нужда же оставалась нуждой, голодныя руки попрежнему тянулись за хлѣбомъ, а грустные взоры на насъ устремлялись прежде всего. Сердце мучительно сжималось отъ боли и отъ собственного безсилья, нужда же наступала со всей своей безпощадной жестокостью. Мы вызвали на помощь всѣ силы своего юнаго духа, но всѣ его рѣшенія и выводы были чисто теоретическаго характера, и они разбивались о горечь дѣйствительной жизни, какъ свободныя волны о дикую неприступную скалу. Чувствовалось что-то жалкое, обидное, горькое въ этой невольной безпомощности, въ этой непримиримой дисгармоніи между желаніемъ и его реальнымъ осуществленіемъ, между свободной благородной мечтой и сѣрой дѣйствительностью.

«Мы подойдемъ къ его мертвящей нуждѣ, помнится, говорили мечты, и въ его бѣдной хижинѣ прозвучитъ наше утѣшающее слово». И вотъ мы увидѣли нужду, увидѣли на первомъ шагу нашей работы, она предстала предъ нами во всей своей ужасающей наготѣ. И въ частности и въ общемъ она производила гнетущее впечатлѣніе: тутъ плакали отъ голода маленькія дѣти, лишившись кормильца семьи, тутъ стоналъ въ грязной хижинѣ больной забытый сирота—старикъ, а тамъ вонъ цѣлый хоръ голодныхъ голосовъ плакалъ о помощи, простирая свои изможденные руки.—А мы стояли безсильные, безпомощные, уничтоженные силой безпощадной нужды...

«Мы будемъ съ нимъ среди семейныхъ радостей и горя», говорила когда-то юность. Горя предъ нашими глазами скоро открылась цѣлая бездна, но и передъ нимъ мы стояли едва-ли болѣе полѣзные, едва-ли болѣе нужные, чѣмъ при мертвящей народной нуждѣ. Очень часто смерть похищала слишкомъ дорогія и раннія жертвы, часто бывало горе выше словъ и слезъ. Мы приходили, уносили, провожали, совершая все это въ горестномъ молчаніи, потому что не находили словъ, чтобы говорить. Печаль замыкала уста, а стоны и плачь заглушали слова, въ которыхъ, къ тому же, и не нуждался тотъ, чье горе не облегчишь словами. Не мѣсто оказалось намъ и среди семейныхъ ихъ радостей,—на ихъ бракахъ и на ихъ крестинахъ,—сопровождающихся обычно необузданнымъ весельемъ и грандіозными попойками, а если быть тамъ лишь для того, чтобы вести рѣчь о воздержаніи и трезвости, то, кромѣ глумленія, едва-ли что произведетъ эта рѣчь.

«Мы будемъ съ нимъ, когда онъ будетъ умирать»... Да, только, кажется, этой мечты не обманула и не изуродовала жизнь, и только въ этомъ случаѣ неприкосновенной осталась та правда, о которой говорили мечты. Въ глухую осеннюю полночь, грязной несносной дорогой, въ прикрытой рогожей телѣгѣ, мы часто ѣзжали за нѣскольکو верстъ къ изнемогающему въ предсмертной борьбѣ мужику. Въ сознаніи исполненнаго долга мы находили себѣ утѣшеніе, а въ послѣднихъ благодарныхъ словахъ умирающаго мы черпали силы для новыхъ трудовъ и борьбы.

Но вотъ наступила пора новой жизни и новыхъ понятій, создались новыя рамки новаго жизненнаго уклада, жизнь предъ-явила намъ новыя требованія. Сначала трудно было опредѣлить правильный курсъ этого новаго теченія, но несомнѣнно чувствовалось, что жизнь сошла съ своихъ прежнихъ устоевъ. Явились новые «благовѣстники» и принесли новое ученіе о возможности здѣсь на землѣ новой счастливой жизни, когда не будетъ ни голодныхъ, ни холодныхъ, ни бѣдныхъ, ни угнетенныхъ. Они заявили, что проповѣдь о терпѣннн есть сознательный обманъ, что нужда и лишенія въ жизни при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть устранимы, лишь стоитъ только «отказаться отъ стараго міра»—и жизнь будетъ свѣтлымъ праздникомъ. Перспектива заманчивая... А какъ извѣстно, чувственная сторона въ чловѣкѣ всегда тяготѣетъ «долу»; поэтому немудренно, что подобнаго рода «благовѣстія» имѣли нѣкоторый успѣхъ, и послѣ рѣ-

чей о имѣющемъ скоро наступить золотомъ вѣкѣ счастья и довольства наши рѣчи о скорбяхъ и терпѣніи были слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ. И мы, правду сказать, на первыхъ порахъ растерялись, не знали, на что рѣшиться, что предпринять: тѣшить слухъ обѣщаніемъ жизненнаго довольства и покоя, когда жизнь будетъ рай, какъ говорили новые «благовѣстники», а не юдоль горя и печали, — мы не могли, потому что не вѣримъ въ жизнь, какъ земной праздникъ, и не лелѣемъ мечту объ уничтоженіи на землѣ нужды, лишеній и горя, которыя все равно будутъ, какъ темные призраки, рѣять надъ головой чело-вѣка отъ самой его колыбели до темной глубокой могилы. Говорить о терпѣніи, когда новые проповѣдники открывали заманчивую перспективу грядущихъ дней счастья и довольства, не только было бесполезно, но вызывало даже чувство досады и раздраженія, убивало высокій авторитетъ нашего слова. Молчать же невыносимо: это значитъ слѣблаться не пастыремъ, не носителемъ живого слова, не свѣточемъ жизни народной, а просто мертвымъ трупомъ, который ни самъ жизни не имѣетъ, ни даетъ жизни другимъ. А для этого нужно прежде всего убить въ себѣ «живую душу», поставить крестъ надъ всѣми идеальными мечтами юности, сознать свое полное безсиліе и сказать: «прощай, мечта, догорай, бесполезная жизнь!...» Но мы этого не скажемъ, а будемъ вникать въ смыслъ этой новой жизни, будемъ доискиваться причины, почему мы не умѣемъ приспособиться къ новымъ требованіямъ, не можемъ отвѣтить новымъ запросамъ. Не потому-ли, что мы — питомцы тѣхъ дней, той жизни, которой нѣтъ возврата? Не старая ли мы заплатка на новой одеждѣ? Вѣдь жизнь такъ быстро смѣнила свой старый покровъ, что и вчерашнее показалось устарѣвшимъ.

Правда, мы вышли въ жизнь передъ грозой... Скоро она разразилась и быстрыми порывами своей бури далеко унесла жизнь впередъ. Рухнули старыя формы жизни, расшатались ея старинные устои, и пульсъ жизни, хотя и неровно, но забился сильнѣе, по-новому. Старая мѣрка сдѣлалась не приложимой для новой жизни, старыя рамки тѣсны. А мы-то, къ несчастію, и были вымѣрены старой мѣркой, насъ готовили къ жизни на тѣхъ же началахъ, какія были 20—30 лѣтъ назадъ. Но вотъ случился переломъ, предъявила жизнь новыя требованія, мы и безсильны предъ этимъ новымъ потокомъ. Мы оказались, такъ сказать, на рубежѣ: воспитывались, готовились къ жизни при

старомъ укладѣ ея, а вышли на работу при такихъ условіяхъ, когда отъ стараго порядка вещей остались одни только воспоминанія. Не въ этомъ-ли тайна нашихъ настоящихъ неудачъ на житейскомъ поприщѣ, не потому-ли такъ и бросается въ глаза обществу наша отсталость, наша неумѣлость примѣниться къ новой жизни и быть полезными въ общемъ дѣлѣ устроенія ея? А то, повидимому, все обстоитъ благополучно: есть у насъ и благіе порывы, и желаніе работать на пользу ближнихъ, а коснемся мы къ жизни, все у насъ выходитъ такъ монотонно, такъ скучно, такъ блѣдно... Но мы не будемъ постыдно унывать, а будемъ всматриваться въ эту «новую жизнь», будемъ изучать ея новыя требованія, готовить свои силы къ разумной борьбѣ. И когда намъ ясна станетъ причина нашихъ жизненныхъ неудачъ и разочарованій, когда мы войдемъ въ курсъ этой новой жизни, мы снова найдемъ вѣрный тонъ нашего осмѣяннаго слова, и оно по-прежнему громко пронесется надъ смолкнувшей толпой. Мы знаемъ, что гордо поднявшіе голову, ослѣпленные надеждой на земное счастье и сытый покой, снова придуть къ намъ, и разочарованные, съ своими разбитыми надеждами, они будутъ просить слова утѣшенія. И то же слово любви, слово о беззавѣтномъ терпѣннѣ, — о томъ самомъ терпѣннѣ, которое они въ своемъ безумствѣ называютъ теперь „безмысленнымъ“, — они услышатъ опять. И оно покажется имъ такимъ кроткимъ, согрѣвающимъ, полнымъ такой непобѣдимой правды, что подъ его ласкающими звуками смолкнутъ всѣ стоны наболѣвшей души...

Не бѣда, что жизнь не оправдала всѣхъ розовыхъ надеждъ и мечтаній юности; благо и то, что эти идеальныя мечты свѣтятъ въ жизни какъ путеводныя звѣздочки и, поднимая надъ блѣдной дѣйствительностью, не даютъ опускаться до той опасной точки, которую называютъ „пошлой рутинной“. насъ не смутятъ и не собьютъ съ намѣченной цѣли эти неудачи жизни: мы тихо, шагъ за шагомъ пойдемъ по пути нашего высокаго дѣла, „будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба, будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, а когда настанетъ нашъ часъ, мы покорно умремъ. И тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалятся надъ нами... И мы обрадуемся, и на теперешнія наши страданія оглянемся съ улыбкою, съ умиленіемъ и... отдохнемъ“... (А. Чеховъ. „Дядя-Ваня“).

Священникъ *Сергій Петровскій*.